

МАЙКЛ
МОРНУРЗО

Майкл Морпурго

Адольфус Типс
и её невероятная история

Хотя эвакуация Саут-Хэмс и учения перед Днём «Д» — высадкой в Нормандии — происходили на самом деле, эта повесть является художественным вымыслом. Любые упоминания реальных людей, живых или мёртвых, географических названий и исторических событий служат исключительно для придания вымыслу должной культурной и исторической атмосферы. Все прочие имена, персонажи, места и события созданы воображением автора, и любое сходство с реальными людьми, живыми или мёртвыми, абсолютно случайно.

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44
М 79

Michael Morpurgo
THE AMAZING STORY OF ADOLPHUS TIPS

Text © Michael Morpurgo 2005

Illustrations © Michael Foreman 2005

The author and illustrator assert the moral right to be identified
as the author and illustrator of this work.

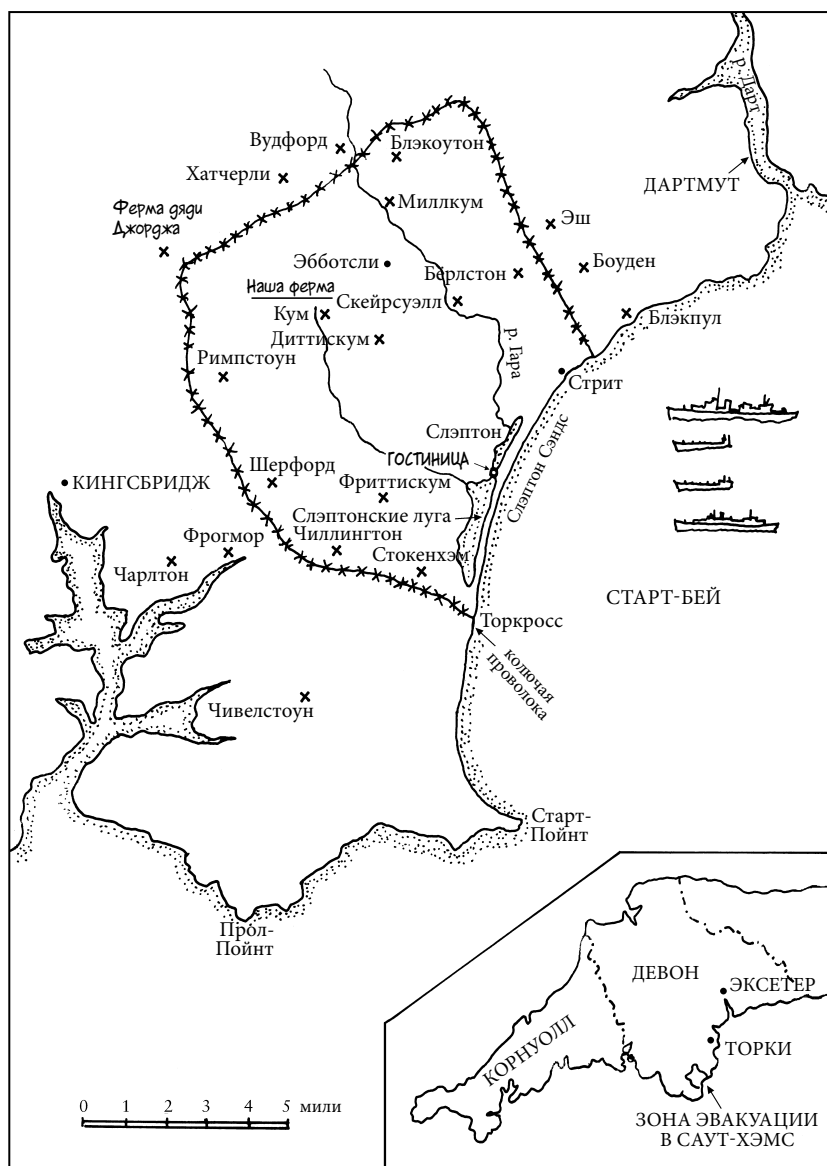
Перевод с английского *Анны Олефир*
Иллюстрации в тексте *Майкла Формана*
Серийное оформление *Татьяны Павловой*

© А. Олефир, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-14765-2

*Посвящается Энн и Джиму Симпсон, которые
привезли нас в Слэптон, а также их семье,
особенно Атланте, Гарриет и Эффи*

Некоторые подробности этой истории почерпнуты из книги
Грейс Брэдбир «Исказился лик земли» (The Land Changed its Face),
выпущенной издательством «Харбор Букс» в 1984 году.

Первый раз я прочитал бабушкино письмо больше десяти лет назад, когда мне было двенадцать, — такое письмо, что уж никак не забудешь. Помню, я перечитывал его снова и снова, чтобы убедиться, что всё правильно понял. Вскоре и все домашние тоже прочли это письмо.

— Н-да, я сражён наповал, — сказал мой отец.

— Безумие какое-то, — заявила мама.

Бабушка позвонила тем же вечером:

— Був? Это ты, дорогой? Это бабушка.

Бабушка и начала звать меня Був. Скорее всего, это было самое первое слово, которое она от меня услышала. По-настоящему меня зовут Майкл, но так она меня никогда не называла.

— Так ты прочитал? — продолжала она.

— Да, бабушка. Это правда — вот это всё?

— Конечно же да, — ответила она с далёким смешком, который отозвался эхом. — Если тебе угодно, считай, что всё из-за кошки, Був. Но помни одно, дорогой мой: только дохлая рыба плывёт по течению, а я пока что совсем не дохлая рыба.

Итак, всё правда. Она действительно взяла и сделала это. Мне хотелось вопить и улюлюкать, скакать,

как мячик, от радости. Но все остальные как будто ещё не оправились от шока. Целый день приходили тётушки и дядюшки, кузены с кузинами, охали и ахали, качали головой и перешёптывались:

— Да как же она могла?

— И в её-то возрасте!

— Дедушка всего несколько месяцев как умер.

— Едва похоронить успели.

И, по правде говоря, дедушка действительно всего несколько месяцев как умер: точнее, пять месяцев и две недели.

Во время похоронной службы лил ужасный ливень, да так громко, что иногда и орган заглушал. Помню, какой-то младенец расплакался и его пришлось вынести из церкви. Я сидел рядом с бабушкой на передней скамье, возле гроба. Бабушкины пальцы дрожали, и когда я искоса взглянул на неё, она улыбнулась и сжала моё плечо: мол, всё в порядке. Но я знал, что ничего не в порядке, и потому держал её за руку. Потом мы вместе шли за гробом по проходу между рядами, крепко ухватившись друг за друга.

Дальше мы стояли под её зонтиком у могилы и смотрели, как опускают гроб; слова викария уносило ветром, мы даже не успевали их расслышать. Помню, я изо всех сил старался почувствовать горе, но у меня не получалось, и не потому, что я не любил

дедушку. Я его любил. Но он был болен рассеянным склерозом десять лет или больше, то есть почти всю мою жизнь, и я его толком даже не знал. Когда я был маленьким, он сидел у моей кровати и читал мне всякие истории. Позже уже я читал ему; иногда он только и мог, что улыбаться. В конце, когда дедушке стало совсем плохо, бабушке приходилось делать за него почти всё. Даже переводить то, что он пытался мне сказать, потому что я уже больше не мог этого понять. В последние несколько каникул, проведённых в Слэптоне, я по глазам видел, как ему плохо. Дедушку раздражало собственное состояние и бесило то, что я вижу его таким. И когда я услышал, что он умер, мне, конечно, стало жалко бабушку: они ведь были женаты больше сорока лет. Но где-то в глубине души я радовался, что всё закончилось — и для неё, и для него.

После похорон мы вместе пошли по переулку в паб, на поминки, и бабушка всё так же сжимала мою руку. Я понимал, что не стоит сейчас ничего говорить. Бабушка погрузилась в какие-то свои мысли, и беспокоить её не надо было.

Мы проходили под мостом, паб уже виднелся впереди, когда бабушка наконец заговорила.

— Теперь он свободен от всего, Був, — сказала она, — и от инвалидного кресла тоже. Господи, как он

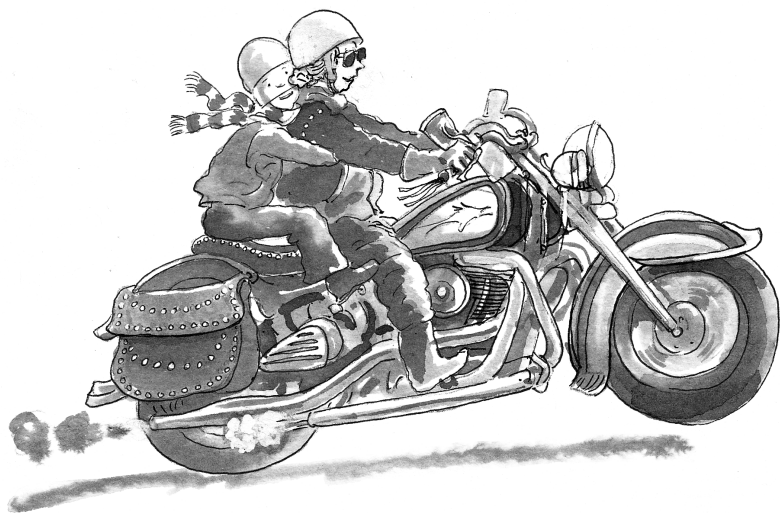
ненавидел это кресло! Теперь он снова будет счастлив. Как жалко, Був, что ты не знал его раньше. Если бы ты знал его так же, как я. Он был здоровенный, дюжий такой парень и при этом мягкий, и спокойный, и всегда добрый. Он старался быть добрым до самого конца. Поначалу мы с ним всё время смеялись — ох, как мы хохотали! В этом-то, наверное, главная беда: он просто перестал смеяться, давным-давно, ещё в начале болезни. Вот почему я всегда любила, когда ты приезжал к нам, Був. Ты напоминал мне о том, каким он был в юности. Ты всегда смеялся, прямо как он в былые дни, и мне становилось намного лучше. И дедушке тоже, уж поверь мне.

Это было совсем не похоже на бабушку. Обычно, когда мы были с ней вдвоём, рассказывал я. Бабушка никогда много не говорила, только слушала. Я поверял ей всю свою жизнь. Не знаю почему, но мне всегда с ней говорилось легко — гораздо легче, чем с кем-либо из домашних. Дома все всё время были чем-то заняты. Я едва раскрывал рот, и мне тут же начинало казаться, будто я кого-то от чего-то отрываю. А бабушкино внимание целиком принадлежало мне, я это знал. С бабушкой я ощущал себя немножечко центром вселенной.

Сколько себя помню, я приезжал на каникулы в Слэптон чаще всего один. В бабушкином одноэтаж-

ном коттедже я больше чувствовал себя как дома, чем где бы то ни было, потому что мы часто переезжали — по мне, так слишком часто. Только привыкнешь, обживёшься, заведёшь новых друзей — и на тебе: снова надо сниматься с места и куда-то ехать. Лето в Слэптоне с бабушкой — это было что-то устойчивое, надёжное, повторялось из года в год, и я любил его за эту неизменность, а особенно за Харли.

Бабушка иногда втихомолку вывозила меня кататься на любимом дедушкином мотоцикле, его гордости и радости — старом «харлей-дэвидсоне». Мы звали его Харли. До дедушкиной болезни они катались на Харли, когда только получалось, то есть не очень часто. Однажды бабушка сказала, что это были

самые счастливые их годы. А потом дедушка стал слишком болен, чтобы возить её на Харли, и потому она возила меня. Мы, конечно же, подробно рассказывали дедушке о своих поездках, и ему нравилось слушать, где мы побывали, на каком поле останавливались перекусить и как быстро гнали мотоцикл. Я точно оживлял всё это для него, и он радовался. Но моей семье мы никогда об этом не рассказывали. Бабушка говорила, что это должен быть наш секрет: если кто-нибудь дома узнает, что она возит меня на Харли, меня больше никогда в жизни к ней не отпустят. И она была права. По-моему, папа, её родной сын, и мама расходились с бабушкой практически во всём. Они всегда считали её упёртой, эксцентричной и даже безответственной. Наверняка они бы решили, что поездки на Харли вместе с ней для меня слишком опасны. Но ничего подобного. Я никогда не ощущал опасности, как бы мы ни мчались. Чем быстрее, тем лучше. Когда мы возвращались, едва дыша от восторга, с занемевшими от ветра лицами, бабушка всегда говорила одно и то же: «Грандиозно! Правда же? Просто грандиозно!»

Если мы не катались на Харли, то долго гуляли по берегу и запускали воздушных змеев, а на обратном пути наблюдали за водяными курочками, лысухами и цаплями в Слэптонских лугах. Как-то раз мы ви-

дели выпь. «Правда же грандиозно?» — шепнула бабушка мне на ухо. «Грандиозно» было её любимым словечком, она им описывала всё, что ей нравилось: мотоциклы и птиц, а ещё лаванду. В доме всегда пахло лавандой. Бабушка обожала лавандовый цвет и запах. Мыло у неё тоже было лавандовое, и в каждом шкафу и сундуке лежала подушечка, набитая лавандой, — будто бы моль отпугивать.

А лучше всего, даже лучше, чем вцепляться в бабушку и мчаться по глухим переулкам на Харли, были самые ветреные дни, когда мы вдвоём, вопя и топоча, носились по галечному пляжу Слэптон Сэндс, держась друг за друга, чтобы не унесло. Мы не могли уходить надолго из-за дедушки. Он не возражал, когда его оставляли одного на какое-то время, но только если по телевизору шла какая-нибудь спортивная передача. Так что мы обычно уезжали кататься на Харли или уходили гулять, когда передавали крикетный матч или регби. Больше всего дедушка любил регби. Он и сам в молодости неплохо в него играл — очень хорошо, с гордостью утверждала бабушка. Порой он даже играл за Девон, когда удавалось оторваться от дел на ферме.

Бабушка немного рассказывала о той хлопотливой жизни, которую они вели до моего рождения, возила меня на ферму и всё показывала. Я знал, что

они доили стадо из шестидесяти рыже-палевых коров южнодевонской породы и что дедушка работал, пока были силы. В конце концов, когда болезнь победила и он больше не мог подниматься и спускаться по лестнице, им пришлось продать ферму и скот и переехать в коттедж в деревне Слэптон. Однако бабушке больше хотелось говорить обо мне, спрашивать обо мне, ей и вправду было интересно. Может, потому, что я её единственный внук. А ещё она никогда меня не судила. И я рассказывал ей всё без утайки о своей жизни дома, о друзьях и переживаниях. Бабушка никогда не давала советов — она просто слушала.

Помню, однажды бабушка сказала, что всякий раз, как я приезжаю к ним, она словно молодеет.

— Чем старше я становлюсь, тем больше хочется быть молодой, — призналась она. — Вот почему я люблю кататься на Харли. И я собираюсь оставаться молодой до последнего — что бы ни случилось.

Я хорошо понял, что она имела в виду под «что бы ни случилось». Последние пару лет перед дедушкиной смертью с каждым моим приездом бабушка выглядела всё более седой и усталой. Я часто слышал, как папа уговаривал её отправить дедушку в дом престарелых, потому что нельзя же больше ухаживать за ним в одиночку. Только уговоры эти частень-

ко напоминали обвинения или угрозы, и мне хотелось, чтобы папа замолчал. В любом случае бабушка ничего не желала слушать. Она всё же завела сиделку, которая каждый день приходила мыть дедушку, но все остальные дела так и оставались на бабушке, и её силы истощались. Теперь я всё чаще гулял по берегу в одиночестве. Кататься на Харли мы больше вообще не могли. Дедушку теперь не оставить было даже на десять минут, иначе он начинал нервничать, а бабушка — беспокоиться за него. Но после того как дедушку укладывали в постель, мы или играли в «Эрудит», причём иногда она мне поддавалась, или допоздна разговаривали — точнее, я рассказывал, а она слушала. Можно считать, я много лет вёл репортаж о своей жизни: с момента, как научился говорить, и всё дальнейшее детство.

Но теперь, после дедушкиных похорон, когда мы вместе брели к пабу, а все шли позади, настала её очередь говорить. И она говорила о себе — без умолку, быстро и возбуждённо, как никогда прежде. А слушателем внезапно оказался я.

На поминках в пабе собралась целая толпа, и, конечно же, каждый хотел что-нибудь сказать бабушке, поэтому в тот день нам больше не удалось пообщаться — по крайней мере, с глазу на глаз. Я исполнял роль официанта, разнося чай, кофе и тарелки

с пирогами и пирожными. Когда мы в тот вечер уезжали домой, бабушка обняла меня особенно крепко, а потом погладила по щеке, как делала всегда перед сном, прежде чем выключить свет. Она не плакала, почти совсем.

— Не волнуйся за меня, милый мой Був, — прошептала она. — Бывают времена, когда лучше побыть одному. Я буду кататься на Харли — уж с ним-то мне станет легче. Со мной всё будет хорошо. — И мы уехали, оставив её наедине с тишиной опустевшего дома.

Через несколько недель бабушка приехала к нам на Рождество, но держалась очень отстранённо, словно заблудилась где-то в глубинах себя и была одновременно здесь и не здесь. Я решил, что она всё ещё горюет, а это ведь такое дело, личное. В общем, я к ней не приставал, и мы мало разговаривали. Всё же, как ни странно, бабушка не выглядела особенно печальной — скорее, умиротворённой, очень тихой и спокойной. По её лицу блуждала мечтательная улыбка, будто для счастья ей достаточно было просто быть здесь, с нами, но только без особой нужды ни во что полностью не включаться. Я нередко заставлял её сидящей и глядящей в пространство и думал, что она, возможно, вспоминает какое-нибудь Рождество: из проведённых с бабушкой или из своего детства на ферме.

В сам день Рождества после обеда бабушка сказала, что хочет прогуляться, и мы пошли в парк вдвоём. Мы сидели и наблюдали за утками на пруду, и вдруг она заговорила:

— Я уезжаю, Був. На Новый год, ненадолго.

— А куда? — спросил я.

— Скажу, когда туда приеду, — ответила она. — Обещаю. Напишу тебе письмо.

Больше мне из бабушки ничего вытянуть не удалось. Через пару дней мы отвезли её на вокзал и помахали ей в окошко. А потом — ничего: ни письма, ни открытки, ни звонка. Прошла неделя. Две недели. Никто, кроме меня, вроде бы о ней не беспокоился. Мы все знали, что бабушка уехала в путешествие; из этого она тайны не делала, однако никому не сообщала, куда едет. Но она обещала мне написать, а сама не писала. Бабушка никогда не нарушала своих обещаний, никогда. Я был уверен: что-то случилось.

Как-то раз субботним утром я забирал почту с коврика у входной двери, и там было письмо для меня. Конверт оказался весьма увесистым. Я сразу же узнал бабушкин почерк. Вскоре все принялись читать свои письма, но бабушкино мне хотелось открыть так, чтобы никто не видел. Я убежал наверх, в свою комнату, сел на кровать и распечатал конверт. Из него я извлёк нечто, больше похожее на ру-

кописную книгу, чем на письмо, — листов тридцать или сорок, заполненных мелким почерком. На верхней странице бабушка приклеила скотчем чёрно-белую (на самом деле скорее буро-белую) фотографию маленькой девочки, очень похожей на меня: она смотрела в камеру, улыбаясь во весь рот и держа на руках большую чёрно-белую кошку. Там же красовалось заглавие: «Адольфус Типс и её невероятная история», а под ним бабушкина подпись: Лили Трегенца. К рукописи большой разноцветной скрепкой было пришпилено вот такое письмо.

Мой милый Був!

Это единственный способ, который мне удалось придумать, чтобы как следует объяснить тебе, почему я сделала то, что сделала. Кое-что я тебе уже рассказывала, но теперь я хочу, чтобы ты узнал всю историю целиком. Некоторые — пожалуй, даже многие — могут подумать, будто я сошла с ума, ну и пусть себе думают. Но ты-то не станешь считать меня сумасшедшей, особенно когда прочитаешь это. Я знаю, ты всё поймёшь. Вот почему мне очень хотелось бы, чтобы первым это письмо прочёл ты. Потом можешь показать всем остальным. Я скоро позвоню — когда ты придёшь в себя после моего сюрприза.

Когда мне было примерно столько же лет, сколько тебе, — кстати, на обложке мы с Типс, — я вела дневник. Я была единственным ребёнком и поэтому разговаривала сама с собой в дневнике. Он был моей компанией, почти другом. Итак, то, что ты будешь читать, — это история моей жизни: как всё происходило, начиная с осени 1943 года, во времена Второй мировой войны, когда я росла на семейной ферме. Скажу честно, мне пришлось довольно многое подправить. Некоторые кусочки я убрала,

Морпурго М.

М 79 Адольфус Типс и её невероятная история : повесть / Майкл Морпурго ; пер. с англ. А. Олефир. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 192 с.

ISBN 978-5-389-14765-2

Автор более сотни книг, Майкл Морпурго живёт на тихой ферме в Девоне и, по собственному признанию, прежде чем перенести свои истории на бумагу, рассказывает их своим лошадям и собакам. Ведь в большинстве его книг животным отведена очень важная роль. Делая их героями своих приключенческих произведений, автор говорит о беззащитной красоте и хрупкости мира, его зависимости от человеческого участия и сострадания. Каждой своей историей Майкл Морпурго утверждает, что подлинная человечность держится на двух столпах — милосердии и силе духа. Этот гуманистический посыл пронизывает все книги Майкла Морпурго, продолжая традиции великой английской литературы, заложенные Диккенсом и Кипплингом.

«Адольфус Типс и её невероятная история» погружает читателя в трудные будни прибрежной английской деревушки, которая в годы Второй мировой войны оказалась в зоне размещения союзных войск. Семья Лили вынуждена покинуть родную ферму, но девочка не может оставить на произвол судьбы свою любимицу — своенравную серую кошку. За эти месяцы изгнания Лили обретёт дружбу, которая продлится долгие десятилетия, а кошка обзаведётся звучным именем — Адольфус Типс.

УДК 087.5

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста

МАЙКЛ МОРПУРГО АДОЛЬФУС ТИПС и её невероятная история

Ответственный редактор *Екатерина Дубянская*
Редактор *Александра Сагалова*
Художественный редактор *Татьяна Павлова*
Технический редактор *Валентин Бердник*
Компьютерная вёрстка *Валентина Бердника*
Корректоры *Дмитрий Капитонов, Лариса Еришова*
Главный редактор *Александр Жикаренцев*

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».

Подписано в печать 08.06.2018. Формат издания 84×108 1/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Тираж 4000 экз. Заказ №
Дата изготовления 29.06.2018.

Срок службы (годности): не ограничен.

Условия хранения: в сухом помещении.

Отпечатано в России.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

C-MMB-23045-01-R